

18+

Дмитрий Трипутин

ФЛЕЙТА МИНУВШЕГО

Рассказы и эссе

Дмитрий Трипутин

Флейта минувшего.

Рассказы и эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67095952

ISBN 9785005598639

Аннотация

В сборник «Флейта минувшего» вошли рассказы и эссе, написанные с 2009 по 2020 год. Большая часть из них печаталась в периодике, коллективных и конкурсных сборниках, в том числе за рубежом. Отдельные произведения носят лирический характер, включают пейзажные зарисовки, частью автобиографичны. Рассказ «Первое свидание» переведён на немецкий язык и опубликован в сборнике «Andere Ufer». Рассказы «Первое свидание» и «Правильные поступки» побеждали на литературных фестивалях-конкурсах «Русский Stil».

Содержание

НЕМНОГО О СЕБЕ	5
РАССКАЗЫ	9
ПРИТЧА	9
ЖЕРТВЫ И ОХОТНИКИ	16
СУМЕРКИ	28
ЛЕСНАЯ ПРОГУЛКА	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Флейта минувшего

Рассказы и эссе

Дмитрий Трипутин

Дмитрий Трипутин *Редактор*

Дмитрий Трипутин *Фотограф*

© Дмитрий Трипутин, 2022

© Дмитрий Трипутин, фотографии, 2022

ISBN 978-5-0055-9863-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕМНОГО О СЕБЕ

Вместо предисловия

Однажды меня пригласили в журнал «Новый Ренессанс», предложили написать небольшую статью о себе и подготовить рассказ для рубрики «У нас в гостях». Привожу выдержки из этой статьи, написанной на основе интервью для международного конкурса малой прозы «Белая скрижаль»: «Долгое время я не имел ни малейшего представления кем хочу стать. Потом, наконец, решил, что хочу быть ученым и писать научно-фантастические рассказы. В результате стал инженером пишущим преимущественно стихи. <...>

Мне было за тридцать, когда я написал свой первый фантастический рассказ. Стихи стал писать лет на пятнадцать раньше. Публиковаться начал в 2009 году. <...>

Не скрою мне нравится ощущать себя писателем. Но, прежде всего, это огромная ответственность. К печатному слову всегда было особое доверие. Невозможно обманывать это доверие и предъявлять читателю некий «суррогат».

По-моему, писатель должен быть максимально откровенным и работать с полной самоотдачей.

Меня тревожит то, что в России стали меньше читать, особенно молодёжь. Роль книги в формировании и сохранении общечеловеческих духовных и культурных ценностей неиз-

меримо велика. Чем молодежь заполняет образовавшийся вакуум, мы все отлично знаем. В лучшем случае это общение в сети и компьютерные игры. Видимо пришло новое время с новыми приоритетами и ценностями. Надеюсь, что от нас в какой то мере зависит, какие это будут ценности.

Люди нередко задаются вопросом: «Что такое счастье?» В различные периоды своей жизни я отвечал на этот вопрос по-разному. Сейчас это, пожалуй, быть в гармонии с самим собой и окружающим миром. Жить как бы в созвучии с природой и другими людьми». ¹

Полагаю, что сборник «Флейта минувшего» будет интересен и совсем молодым людям, ищущим ориентиры и свой путь в жизни, и зрелым читателям, небезразличным к природе и испытывающим лёгкую ностальгию по прошлому.

¹ Трипутин, Д. Н.: У нас в гостях // Новый Ренессанс: журнал. – Германия: STELLA, – 2013. №3/13. – С.20—21.

РАССКАЗЫ

ПРИТЧА

Каждое лето я стремился приехать к деду Алексею в деревню и отдохнуть хотя бы неделю. Иногда, соскучившись по деду и по мудрому, размеренному укладу деревенской жизни, я приезжал к нему зимой на выходные дни.

Дед был неизменно весел и энергичен, но у меня сжималось сердце, когда я смотрел на его сутулую спину и редющие седые волосы.

Долгими зимними вечерами хорошо сидеть у русской печки, смотреть на жаркие языки огня и слушать, как весело потрескивают дрова. На улице завывает вьюга, сугробы видны вровень с низкими окнами зимовки, и, наверное, от этого в теплой избе бывает особенно уютно.

В один из таких вечеров дед Алексей рассказал мне эту историю.

– Мы несколько недель готовились пойти на охоту, чтобы добыть лося, – начал рассказ дед Алексей. – Стояла студёная трескучая зима.

– В каком году? – спросил я.

Дед достал папиросу из начатой пачки «Беломора» и с за-

думчивым видом принялся неторопливо её разминать.

– Год не помню. Я был тогда ещё молод, но постарше, чем ты сейчас, – подумав, ответил дед.

Я с нетерпением ждал, когда он закурит и продолжит свой рассказ.

Наконец дед выпустил длинную струю дыма и аккуратно положил спички на шесток.²

– Тогда в наши леса уже пришли кабаны, – вдруг вспомнил он.

– Пришли кабаны? – удивился я. – А раньше их не было?

– Да, раньше не было, – подтвердил дед. – К нам в Северо-западные области они пришли через несколько лет после войны, в начале пятидесятых.

Я смотрел в чёрную непроглядную ночь за окном, слушал, как потрескивают дрова в печи, и мне стало немного не по себе.

«Вот не было кабанов, и вдруг они пришли, – думал я, – почему пришли, к чему бы это?»

Вокруг нашей деревни на многие десятки километров тянулись дремучие леса. Их прорезали редкие ниточки дорог и тропинок. Я представил себе, как выглядит зимний лес ночью с высоты птичьего полета, и мне стало немного жутковато. Я засыпал деда вопросами.

– Почему они пришли это хорошо или плохо? – спрашивал я, скрывая волнение.

² Шесток – площадка перед устьем русской печи.

– После войны в наших лесах совсем не осталось волков, – сказал дед. – Я думаю, иначе кабаны не пришли бы. А ещё говорят, изменился климат, в наших лесах стало теплее. Но сам я в этом неуверен.

– Понятно, что волк опасен для кабана, – сказал я. Загадка разъяснилась, и я успокоился. Ночь за окном уже не казалась такой тревожной.

– Конечно, в одиночку волку не одолеть взрослого кабана, – продолжал дед. – Кабан-секач очень силен и движется быстро. Он смело нападает на любого противника. Но волки всегда охотятся стаей. А в глубоком снегу они получают большое преимущество, потому что наст держит волка, а кабан проваливается, устаёт и ранит ноги.

– Но откуда ты всё это знаешь? – удивился я.

– В лесу после любого происшествия остаются следы, а бывалый охотник по этим следам, как по книге, легко прочитает, что произошло, – улыбнулся дед.

Дед Алексей раскурил потухшую папиросу и продолжил рассказ об охоте на лося.

– Мы несколько раз ездили в районный центр, чтобы оформить лицензию. Ходили в лес и искали лосинные следы. Потом снаряжали патроны, смолили лыжи и покупали разные припасы. Наконец всё было готово. Накануне мы нашли недалеко от деревни свежие следы и решили – пора. Я остался ночевать у товарища, чтобы, когда начнёт светать, не теряя времени сразу отправится в путь.

И вот настало утро, когда мы в полном снаряжении вышли на крыльцо, готовые к долгому преследованию лося. В прошлом на охоте нам не раз приходилось ночевать в лесу.

Дед ненадолго замолчал. Он достал кочергу и принялся шевелить и поправлять дрова в печке. Огонь разгорелся с новой силой. Взметнулись языки пламени и осветили внутреннее устройство печи, превращая его в сказочный зал. Стало жарко, и я немного отодвинулся от устья печи.

Дед Алексей аккуратно положил кочергу и взял ухват с длинной потемневшей от времени и немного потрескавшейся деревянной ручкой. Ручка была отполирована руками не одного поколения людей и выглядела очень надёжной и крепкой. Так же, как и обхватившие её жилистые и смуглые руки деда.

Я вспомнил, что в печи в чёрном закопченном чугушке варится картошка. На столе уже стояла запотевшая с холода трехлитровая банка с солёными рыжиками, и я с удовольствием подумал о предстоящем ужине.

Дед Алексей знал все грибные места в округе, и я любил ходить в лес вместе с ним. Порой уже в самом конце лета мы находили множество чудесных крепких рыжиков, но иногда наша добыча едва закрывала дно корзинок.

Я не задумывался о практической пользе таких походов, и радость приносил сам лес и процесс поиска замечательных оранжевых пятачков.

– А дальше что? – не выдержал я, когда дед уже переста-

вил чугунок на новое место поближе к огню. – Вы пошли на охоту?

– А дальше произошло одно из самых удивительных событий в моей жизни, – ответил дед и положил ухват на место. – Я вдруг увидел лося! Он спокойно стоял почти посреди деревни в конце улицы. В нескольких десятках метров от крыльца, на котором были мы с товарищем. В утренних сумерках я не мог рассмотреть его в подробностях, но хорошо запомнил отчётливый тёмный силуэт на светлом фоне. Он стоял неподвижно и, казалось, прислушивался или принюхивался к чему-то. Не помню, как я достал из чехла и зарядил ружьё. Меня трясло от волнения, но я взял себя в руки и начал медленно, чтобы не вспугнуть зверя поднимать двустволку. На таком близком расстоянии я просто не мог промахнуться. Я уже почти прицелился, но товарищ меня остановил. Он положил руку на ствол моего ружья и наклонил его вниз. «Не стреляй, – прошептал мой товарищ. – Это притча». Я его не понял. «Почему?» – также шёпотом спросил я. «Это притча», – повторил товарищ. Кажется, невдалеке тявкнула собака или был какой-то другой шум. Не помню. Но я смотрел на лося и успел увидеть, как он исчез. Как чёрная молния! Только что был здесь, а через мгновение его уже нет. Момент был упущен. Вот так-то, – сказал дед.

Мы помолчали. Я услышал приглушённое двойными рамами завывание ветра. Старенькие часы на стене, казалось, стали громче отсчитывать неумолимый ход времени.

– В общем-то, мой товарищ был прав, – наконец заключил дед, нарушив тишину.

– Но почему же? – удивленно спросил я, тщетно пытаюсь понять смысл рассказанного дедом случая.

– Что это за притча такая? – спросил я снова и принялся вспоминать определение притчи.

– Притча – это просто история. Наверное, короткая и поучительная. Ну, может быть, даже со скрытым смыслом, – рассуждал я вслух. – Но при чём здесь это? – спросил я снова.

– Я не знаю, – спокойно ответил дед Алексей.

– И я не знаю точно, что такое притча, – добавил он. – Но я точно знаю, что нельзя целый месяц готовиться к долгой и трудной охоте на лося, а застрелить его с крыльца собственного дома. Это неправильно, – сказал дед и замолчал, раскуривая вновь потухшую папиросу.

Я вдруг понял, что внутренне сразу признал правоту деда. Почувствовал его правоту и по привычке принялся искать логически понятное объяснение, но не нашёл. Зато я впервые посмотрел на всё с новой точки зрения и сделал для себя неожиданные выводы.

Правильные решения или поступки не всегда могут быть обоснованы логически. Во всяком случае, такое обоснование может не лежать на поверхности.

– Да, вы поступили правильно, согласен, – наконец сказал я. – Но почему правильно я не могу объяснить.

Дед невесело засмеялся.

– Это, наверное, потому что мы привыкли всё измерять с точки зрения выгоды. Причём выгоды сиюминутной. Да и вообще человек по своей природе хищник, и от этого никуда не денешься, – печально заключил дед.

С последним выводом деда Алексея мне не хотелось соглашаться. Я задумался, но не нашел аргументов и ничего не сказал.

Мы опять помолчали, погрузившись каждый в свои мысли.

– Наверное, как-то странно было после этого идти на охоту? – спросил я.

– А мы в тот день и не пошли. И весь день у нас было хорошее, просто замечательное настроение, – весело сказал дед Алексей.

ЖЕРТВЫ И ОХОТНИКИ

Было начало августа, когда я получил долгожданный отпуск и приехал к деду Алексею в деревню. Конечно, я решил остаться у него на весь месяц. Впереди ждали многие дни, наполненные встречами с рекой, лесом и солнцем.

В то утро я не торопился и начал собираться на реку лишь после того, как хорошенько выспался и позавтракал. Подготовив наживку и снарядив удочки, успел отправиться в путь до того, как на землю обрушилось горячее дыхание полуденной жары. Уже выходя из дома, я сообразил, что следует защитить голову от солнца. Осмотрев головные уборы, в изобилии имевшиеся на вешалке, выбрал тонкую полотняную кепку, буквально сиявшую белизной.

Дорога к реке несколько километров шла лесом, но я всегда быстро преодолевал знакомый до мельчайших подробностей путь. Мысленно даже разбил его на этапы. Первый завершался за деревней в лесу, возле узкого, стремительно-го ручья в заросшей травой низине и мостика через него. Опустившись на большой плоский камень, там можно напиться чистой и вкусной, студёной воды. Она негромко клочкотала и была прозрачна, словно хрусталь. На дне ручья, под рябью от течения, ясно различался каждый камушек. Следующий этап заканчивался старым зимником, который пересекал дорогу через пару километров от ручья. По кра-

ям зимнего пути и на примыкавших к нему небольших уютных полянках в изобилии росли кусты малины. Иногда я задерживался там, чтобы полакомиться спелыми, порой такими же крупными, как в саду, ягодами. Вдоль дороги слева и справа встречались прогалины покосов со старыми и новыми стоговищами. Я любил запах сена и свежескошенной травы, но покосы всё чаще оказывались заброшенными и заросшими жёсткими стеблями сорняков и чахлыми кустиками.

Временами поднимался ветер. Почти неощутимый внизу, он раскачивал еловые вершины, темнеющие на фоне голубого безоблачного неба, заставляя натужно поскрипывать и постанывать высокие деревья. После пересечения с зимником дорога сужалась. Две заросших травой колеи превращались в широкую тропу. Наконец открывалась так называемая гарь, появившаяся после давнего лесного пожара. Здесь начинался завершающий этап пути. На этом месте, сразу после пожара, выросли частые и невысокие ёлочки, разреженные кое-где кустами и молодыми лиственными деревьями. Иногда, ближе к осени, там в изобилии появлялись рыжики и волнушки. Молодые ели, с каждым годом подрастая, заглушали кусты и другие деревья. Спустя несколько лет лес тут выглядел уже обычным, но грибов в нём стало меньше. В сотне метров от реки гарь переходила в редкий и низкий кустарник, пронизанный тропами. Они чёрными змеями вились между высокими кочками и уже совсем скоро приводи-

ли к берегу.

В основном я рассчитывал на вечерний клёв. Но, добравшись до реки, конечно, сразу принялся забрасывать удочку в самые многообещающие места. Вскоре повезло, и я вытащил на берег нескольких вполне приличных окуней. Рядом кружили белые речные чайки, и я поспешил спрятать добычу в рюкзак. Чайки особо не церемонились. Стоило отойти от рыбы, оставить на берегу, как её хватали и уносили. Я обратил внимание и на других птиц, парящих очень высоко в светло-голубом небе. Судя по силуэтам, несомненно хищных птиц. Раньше я их здесь не замечал. Вряд ли их интересовали чайки, тем более моя рыба, и я был несколько удивлён их присутствием.

На рыбалке я всегда терял счёт времени и не думал ни о чём другом. Были только я и река, с её заливами, глубокими омутами и узкими участками с быстрым течением. Подолгу стоял над неподвижным, иногда покачивающимся поплавком и ощущал себя частью окружающей природы, и ничем больше. Вечерний клёв не оправдал ожиданий, а на реке стало заметно прохладней. Неяркий предзакатный диск солнца почти коснулся остроконечных вершин далёких елей, заливая лес красноватым светом. Только тогда я решил, не откладывая, отправляться домой.

В окружении высоких деревьев было заметно темней, чем на открытом берегу реки. Когда я добрался до гари, на лес уже опустились настоящие сумерки. Довольно широкая тро-

па нередко петляла, и ветви деревьев порой настоящим шатром смыкались надо мной, закрывая небо.

На одном из прямых участков тропы я вдруг почувствовал, что происходит что-то необычное. Это неуловимое действие не сопровождалось какими-либо звуками или другими явными проявлениями. Всё, казалось бы, шло как обычно, как и должно быть. Я шагал, глухо и размеренно стуча сапогами, и каждый шаг приближал к дому. Сумерки сгустились настолько, что уже в десятке метров перед собой я видел лишь тёмно-серую массу, в которой с трудом угадывались отдельные деревья. Вскоре показалось, что надо мной промелькнула тень. Но я не был в этом уверен. Потом широкая тень, пройдя совсем низко надо мной, совершенно бесшумно пересекла участок тропинки и исчезла где-то впереди. Сверху сыпанулась щепотка мельчайшей древесной струхи и пара сухих еловых иголок, подтверждая, что всё это мне не кажется.

Стало немного не по себе. Я сошёл с тропинки и попытался осмотреться. Но увидеть что-либо, стоя в тени вековых деревьев, было невозможно. Следовало возвращаться на дорогу. Я снова вышел на тропу и, внимательно вглядываясь, медленно двинулся вперёд. Неожиданно от дерева, стоявшего вблизи, бесшумно отделилось большое тёмное пятно и исчезло в чаще за тропинкой. Подумалось, что это, скорее всего, какая-то очень крупная птица. Пройдя немного вперёд я буквально в трёх шагах от себя увидел громадную сову.

На крохотной полянке, на открытом месте мне удалось хорошо её рассмотреть. Птица уселась на длинную сухую ветку, метрах в двух от земли. Она уставилась на меня большими круглыми глазами, напоминая светофоры, и иногда забавно ворочала головой. Только сейчас я, наконец, догадался снять с головы белую кепку. В темноте вечернего леса она заметно выделялась светлым пятном. Понятно, хищная птица охотилась за мной, приняв, вероятно, за зайца. Когда я шёл по тропинке, белая шапочка, конечно, подпрыгивала, особенно если попадались препятствия.

Видимо, сова была достаточно умна. Хищница сообразила, что предполагаемая жертва ведёт себя несколько необычно. Иначе она давно вцепилась бы мне в голову внушительного вида когтями. И наверняка долбанула бы хорошенько массивным клювом. Трудно передать испытанные ощущения, когда я понял, что стал объектом охоты для этой крупной хищной птицы. И это ночью, в глухом и дремучем лесу, в нескольких километрах от ближайшего жилья. Могу лишь сказать, что тогда я хорошо понял чувства мелких птиц, которые, найдя днём спрятавшуюся в укромном месте сову, поднимают шум и нападают на неё. Следуя первому порыву, я подобрал обломок сухой ветки и запустил в хищницу. Но палка запуталась в густых еловых ветвях и повисла, качаясь, не достигнув цели.

Сова внимательно наблюдала за мной, но не двигалась с места. Только поняв, насколько она сейчас беззащитна,

я немного успокоился. Захотелось, пользуясь случаем, просто получше её рассмотреть. Птица оказалась действительно крупной, серовато-бурое тело – около полуметра высотой. Интересно, что её круглые глаза располагались как бы в глубине светлых, больших и гладких блюдец, которые были аккуратно выложены мелкими и плотно прилегающими друг к другу пёрышками. Сова тоже пыталась меня разглядеть и поворачивала голову под самыми неожиданными углами. При этом она как-то совсем по-человечьи моргала глазами. Когда я приближался к ней, ясно слышал сердитое шипение и какие-то щелчки. Сова почему-то не улетала, и я сообразил, что большой размах крыльев не позволяет ей перелететь подальше, в густую чащу, без риска их повредить. А на относительно просторном и свободном от ветвей пути теперь стоял я. Но, возможно, сова просто сомневалась, стоит ли переводить меня из разряда жертв сразу в разряд опасных для неё существ. В конце концов я оставил птицу в покое, спрятал белую кепку поглубже в карман и отправился домой. Успел выйти из леса, пока дорога была ещё различима, и оставшуюся часть пути проделал уже без приключений.

Когда мы с дедом Алексеем приготовили уху и накрыли на стол, за окнами, аккуратно задёрнутыми лёгкими занавесками, уже давно воцарилась ночь. Уха получилась душистой и замечательно вкусной. Её аромат наполнил комнату и смешался с другими запахами деревенской избы. В доме деда Алексея всегда ощущался приятный, какой-то особен-

ный дух. Он состоял из запахов хмеля, разных трав, леса и чего-то ещё, присущего только этому дому. Приезжая в деревню после долгого отсутствия, я сразу, с радостью и лёгкой ностальгией, отмечал этот запах. Неяркий свет лампочки, висевшей под самым потолком, оставлял глубокие тени в углах комнаты, и было очень уютно. Я с наслаждением ел уху, смотрел на чисто побеленную печку, на железную спинку старинной кровати и с удовольствием проникался атмосферой нехитрого деревенского быта. Потом за крепким и ароматным чаем – дед добавил в заварку немного смородиновых листьев – я во всех подробностях рассказал о сегодняшнем приключении. Дед Алексей слушал меня очень внимательно. Потом пригладил редкие седеющие волосы и привычным жестом вытряхнул папиросу из полупустой пачки «Беломора». Перед тем, как закурить, дед долго её разминал, наклонившись вперёд и задумчиво глядя куда-то поверх меня. «Сколько же ему пришлось испытать и увидеть за свою жизнь», – думал я, глядя на смуглое и твёрдое, будто вырубленное из дерева, лицо.

– А знаешь, я слышал, что действительно известны случаи нападения сов на человека, – сказал, наконец, дед Алексей, выпустив длинную струю дыма.

Я невольно поёжился.

– Но это, конечно, бывает в самых крайних случаях, когда птица защищает гнездо и птенцов, – добавил дед, заметив мою реакцию. – А были у совы уши?

Я вспомнил, что уши у неё, действительно, были, потому что в самый первый момент её силуэт напомнил рысь. Но я не успел испугаться по-настоящему, так как практически сразу понял, что передо мной всё-таки птица.

– Тогда, скорее всего, филин. Это действительно одна из самых крупных птиц, которые встречаются у нас, – заключил дед. – Пожалуй, крупнее бывают только полярные совы, особенно самки. Но у тех белые перья, и живут они далеко на севере.

– Но у филина не настоящие уши? – уточнил я.

– Нет, это просто топорщатся перья, а уши у него не видны, – подтвердил дед.

Он положил недокурную папиросу на край пепельницы и, внезапно став очень серьёзным, строго посмотрел на меня.

– Знаешь, ни в коем случае, никогда, ни при каких обстоятельствах не следует изображать из себя жертву или дичь для охоты. Не только ночью в лесу, но и в любых других местах тоже. И неважно, зверь перед тобой или человек.

Я был полностью согласен с дедом и сразу сказал об этом.

– Да, уж лучше изображать охотника, – добавил я.

– Изображать охотника? – удивлённо переспросил дед и снова надолго задумался.

– Был у меня один случай, – наконец медленно произнёс он, раскурив потухшую папиросу. – Как-то, уже много лет назад, я ездил на дальние колхозные поля и проверял, насколько созрело зерно. Это было в начале августа. Овёс к то-

му времени стал набирать восковую спелость, и я хотел уточнить время уборки.

Прежде дед Алексей работал главным агрономом, и даже я примерно знал, что такое молочная и восковая спелость. В детстве, на каникулах, я иногда ездил с дедом Алексеем на колхозные поля и следом за ним перетирал в ладонях разные колоски и изучал зёрна. Если сжимать неочищенные зёрнышки, иногда из них выдавливалась капелька белой жидкости, напоминавшая молоко. Более спелые зёрна, если их очистить, были прозрачными, как воск, и почти так же легко ломались.

– Поле было примерно в полукилометре от деревни, у самого леса и в стороне от дороги, – продолжал рассказывать дед. – Я увлёкся, проверяя колосья, и шёл по полю, не глядя по сторонам. Потом заметил краем глаза какое-то движение неподалёку, обернулся и вдруг увидел медведя! Он был буквально метрах в десяти от меня, если не ближе. Медведь загребал лапами целые пучки стеблей и срывал пастью метёлки овса. При этом он смачно и громко чавкал. Я удивился, что не услышал этих звуков раньше. Видимо, из-за ветра. Он иногда усиливался, и заглушал, и уносил звуки и запахи в сторону. Я сначала даже не понял, обратил ли зверь на меня внимание. Поле вблизи было сильно примято, образовалась целая полянка. К лесу от вытоптанного поля вела едва заметная стёжка. Понятно – медведь пришёл полакомиться овсом.

Я знал, что медведи иногда кормятся на засеянных овсом полях, и сам видел примятые участки с оборванными верхушками стеблей. Но прежде дед Алексей никогда не рассказывал о встрече с медведем на овсяном поле, и мне не терпелось узнать все подробности.

– Возможно, медведь посчитал, что ты для него не опасен? – спросил я.

– Да, наверняка, но тут я допустил ошибку... – ответил дед, невесело усмехнувшись, – дело в том, что я увидел на земле большую и толстую палку, почти корягу, и машинально схватил её в руки. Как будто она могла чем-то помочь. Медведя словно подменили, хотя до этого он вроде бы не обращал на меня внимания. Он тут же поднялся на задние лапы, и только тогда я увидел, как он велик. Медведь замер, вытянул вперёд морду и стал внимательно следить за мной. У него были блестящие чёрные глазки, и я навсегда запомнил их пристальный взгляд. У медведя был угрожающий вид, и казалось, вот-вот он бросится на меня.

Я слушал деда как заворожённый, чай в стакане давно остыл. «Как же, всё-таки, хорошо и уютно дома, вдалеке от дремучего и непредсказуемого леса», – думал я.

– И тогда я поступил единственно правильным способом, – продолжал дед Алексей, – медленно и аккуратно положил палку на землю и замер неподвижно. Я перестал смотреть на зверя и старался показать, что он меня совершенно не интересуется. Через некоторое время медведь успокоился.

Сначала опустил на все четыре лапы, а потом снова занялся овсом.

– А ты чего? – не удержался я от вопроса.

– Я начал потихоньку пятиться, стараясь не поворачиваться к медведю спиной, и, шаг за шагом, ушёл с поля, – ответил дед. – Я знал, что от медведя нельзя убежать. Он может погнаться, просто так, как любая собака. А бежит он очень быстро и обязательно догонит. И в глаза медведю долго и пристально смотреть не следует – это его злит. Если, конечно, ты не вызываешь его на поединок, – добавил дед и засмеялся.

– Да, это был бы очень короткий поединок...

– На самом деле мне просто очень повезло. Зверь был настроен миролюбиво и не был рассержен. Иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

– Ты считаешь, медведь решил, что у тебя в руках ружьё, когда ты поднял палку? – спросил я.

– Может быть. Не знаю, что он подумал, – ответил дед. – Но медведь, конечно, понял, что с этим предметом я представляю для него угрозу.

Дед Алексей выпил остывший чай и задумчиво посмотрел на меня.

– Вот, я и хочу сказать, что изображать охотника тоже не нужно, – неожиданно заявил он, – тем более, если ты им не являешься.

– Да! – воскликнул я, искренне проникаясь правотой деда

Алексея. – Лучше всего изображать того, кто ты есть на самом деле.

– Да вообще не надо никого изображать, – сердито сказал дед.

Ошеломлённо взглянув на деда Алексея, я встретил его лукавый взгляд, и через мгновение мы оба рассмеялись.

Старенькие «ходики» на стенке показывали далеко за полночь. Пора отправляться спать, а я не успел обсудить с дедом Алексеем планы на завтрашний день. Летний отпуск был в самом разгаре и сулил ещё много интересного.

СУМЕРКИ

– Я возвращался в техникум после каникул на поезде, война только недавно закончилась, – начал рассказывать дед Алексей. – Время было беспокойное, и редко удавалось доехать без приключений. Далеко не всегда хватало денег на билет, и я частенько ездил в тамбуре. На станциях, чтобы спастись от контролёров, иногда приходилось перебегать из вагона в вагон по перрону.

Слушая деда, я забыл о начинавшем гудеть на плите чайнике. Летние сумерки быстро спускались за окном небольшой и уютной деревенской кухни. Мой отпуск, к глубокому сожалению, подходил к концу. Через несколько дней предстояло покинуть просторный и столь милый сердцу дом деда Алексея. Оставить вольную жизнь на природе и вернуться к городской суете. До отъезда ещё были дни, но сердце постепенно наполнялось ожиданием расставания и предчувствием дорожных хлопот и волнений. Нарастала щемящая тревога, и время перед отъездом казалось особенно ценным, а события становились наиболее запоминающимися.

– И вот подходит ко мне в тамбуре незнакомый мальчик и начинает приставать с какими-то просьбами, – продолжал рассказывать дед. – Не помню уж точно, что он просил. То ли денег, то ли закурить, но у меня не было ни того, ни другого. Он был очень настойчив, но я ему даже не грубил. Хотя, ко-

нечно, попросил оставить меня в покое. Мальчик ушёл в вагон, но тут же вернулся в сопровождении здоровенного парня. «Ты чего это детей обижаешь?» – грубым голосом спросил детина, доставая из-за голенища большой нож.

Рассказывая, дед так реалистично воспроизвёл жёсткий голос парня, что я непроизвольно поёжился.

– Я сразу понял, что они с мальчонкой работали в паре, ну и, конечно, напугался поначалу, но вида не подал, – пояснил дед Алексей. – Эти двое нарочно искали повода, чтобы на меня напуститься. Так они промышляли. Мне тогда исполнилось шестнадцать или семнадцать лет, но я был мал ростом. Наша семья, как и многие тогда, голодала. А тот – намного старше, он уже взрослый. Парень бесцеремонно хлопал меня по карманам и обыскал. Потом забрал вещевой мешок и достал из него узелок с пожитками. В узелке была варёная картошка и кусок лепёшки, которую мать испекла мне в дорогу. «Из деревни, что ли, едешь?» – с недовольным видом спросил детина. Не дожидаясь ответа, он сходу откусил от лепёшки и чуть было не поперхнулся. «Хлеб-то у тебя из чего?» – удивился он. «Ну, из клевера», – говорю.

Я слушал деда очень внимательно и старался не перебивать, но тут уж не выдержал.

– Вы, что же, в войну и после войны пекли хлеб из клевера, из травы, одним словом?

– Да, пекли, – спокойно ответил дед. – Мать собирала головки клевера и сушила в печи, а потом толкла и дела-

ла муку. Затем добавляла немного настоящей муки, ржаной, и пекла лепёшки. Временами так и питались, потому что картошки тоже не хватало. Недаром в войну картошку называли «вторым хлебом».

Я вспомнил, что у деда было четверо младших братьев и сестёр, и надолго замолчал, размышляя.

– Ты не думай, что после войны мы жили и питались совсем уж плохо, – сказал дед, увидев моё изумление. – Во всяком случае, у нас в семье от голода никто не умер. Ведь было время, когда по деревням развозили блокадных ленинградцев. Вот уж кто действительно натерпелся! В каждый дом брали одну или несколько семей, и мы тоже взяли.

Я уже слышал об этом от родных, но не задумывался, в каких условиях это происходило, и только покачал головой.

– Да, кормили их, – просто сказал дед. – Тогда в деревне было, всё же, немного полегче с продуктами, и мы своих всех спасли. Но это было непросто. Ленинградцы, пережившие блокаду, приезжали настолько истощёнными, что их желудки уже не принимали пищу. Сначала приходилось давать еды понемножку, но мы всех выходили. И что интересно, – оживился дед Алексей, – один из спасённых, лет через тридцать с лишним, после приезжал к отцу в деревню. Как он радовался, что тот ещё жив! Они долго разговаривали, а потом сфотографировались. И приезжал он не один, а со взрослым сыном.

Я уже знал эту историю и видел фотографию, но сейчас

меня больше интересовал случай в поезде. Тем временем дед Алексей снял с плиты закипевший чайник и залил уже приготовленную заварку. По кухне распространился неповторимый аромат молодых побегов чёрной смородины. Обычно мы заваривали так чай на рыбалке, но сегодня ходили в лес за черникой, и на обратном пути я нарвал смородиновых листьев и веточек. На кухне, где мы сидели, уже царил полумрак, а на улице было ещё достаточно светло. За маленьким окном серела обрамлённая травой дорога, виднелись соседние избы, иногда доносились приглушённые крики ребятишек и тьяканье собак. Я любил это время суток. Мне нравилось, не зажигая света, «сумерничать», как говорится. Глядя на руки деда, покрытые синими набухшими венами, на смуглое морщинистое лицо, я с грустью думал о том, что годы, всё-таки, берут своё. Но дед Алексей, на удивление, до сих пор очень подвижен и энергичен, и я легко мог представить, каким он был в молодости.

– И как этот, в поезде, отреагировал, что вы печёте хлеб из клевера? – напомнил я.

– Он вернул мне вещи и стал как-то поспокойнее, – сказал дед. – Но начал приставать с расспросами. «Зачем в город едешь, что собираешься там делать?» – спрашивал парень. Ведь понимал, что еду не торговать и, конечно, не за покупками. «Еду в техникум, учусь в сельскохозяйственном», – ответил я. «А чего не поступил в „ремеслуху“ или в ФЗУ? – удивлялся детина. – Сейчас все туда едут, и выучиться быст-

рее, и зарплата потом хорошая!»

Дед Алексей на минуту задумался, глядя невидящим взором в непостижимую даль прошлого...

– Задел он меня за живое, и я сходу выпалил свою давнюю мечту, – с грустной улыбкой произнёс дед. «Людей хочу накормить. Зерно, хлеб буду выращивать», – ответил я ему. Мой новый знакомый как-то совсем притих, но потом ещё с полчаса, пока ехали до станции, о чём-то расспрашивал. О разном мы тогда говорили, но я уже не помню всего. На прощание парень крепко пожал мне руку, пристально так посмотрел в глаза и сказал: «Запомни, если кто-нибудь на железной дороге будет тебя обижать, не важно, кто, говори, что ты – мой друг. Меня здесь все знают, и я за тебя своё слово всегда скажу». Потом он назвал себя, и я понял, что на железной дороге этот «товарищ», действительно, хорошо известен. Его кличку уже не раз слышал от ребят в техникуме, да и от взрослых тоже. Говорили, что встречаться с ним очень опасно, ему ничего не стоит зарезать человека и сбросить с поезда.

– Да-а, – удивился я, – ведь настоящий бандит, причём известный, а повёл себя, как вполне нормальный человек.

– Так ведь всё относительно, – печально усмехнулся дед Алексей. – Но обольщаться тоже не стоит. Конечно, и бандит может проявить благородство и совершить хороший поступок. А, казалось бы, вполне приличный человек делает подлости и оказывается законченным негодяем. Мне приходи-

лось иметь дело и с теми, и с другими. Имей в виду, – повысил голос дед Алексей, – в случае войны, голода или каких-то других бедствий на улицу вылезает столько всякой швали, что удивительно, где они прятались и почему их не было видно раньше.

Нечасто доводилось видеть деда Алексея взволнованным, и он редко выражал мысли так конкретно. Поэтому я промолчал, хотя и подумал, что мне-то, как раз, повезло, и я живу в спокойное время. Но дед Алексей, как будто, прочитал мои мысли.

– Пока ещё ни одному поколению не удавалось прожить без войны, голода или каких-то других несчастий, – негромко сказал он, нахмурившись. – Такие вот дела.

Мы надолго замолчали, думая каждый о своём. На улице стемнело, затихли звуки. Загорелись окна в доме напротив. Неровные прямоугольники света легли на дорогу и слегка осветили нашу кухню. Не хотелось включать лампочку. Казалось, яркий и резкий свет разрушит волшебство неясных силуэтов и теней. Тогда всё будет по-другому, и что-то важное не получит разрешения.

Я, неожиданно для себя, с грустью осознал, как непрочен и хрупок наш мир. А ведь он выглядит таким надёжным. И кажется, что он был таким всегда и потом ещё целую вечность будет таким же, становясь с течением времени только лучше.

ЛЕСНАЯ ПРОГУЛКА

Полуденная жара давно спала, и уже начинался тёплый летний вечер, когда мы с дедом Алексеем решили, что пора возвращаться домой. В тот день мы ходили на дальние лесные покосы, посмотреть, не пошли ли в рост рыжики. Дед Алексей знал множество грибных мест вокруг своей деревни, и я всегда с большим энтузиазмом сопровождал его в лесных прогулках. Некоторые покосы оказались заброшенными и заросшими густой и высокой травой. Местами даже успели вырасти небольшие, не выше меня, ёлочки и сосенки. Они выделялись на фоне синего неба, усеянного перьями и рваными клочками облаков. Нежная зелень и строгие формы тешили глаз. Давали ощущение особой упорядоченности окружающего мира и приносили чувство покоя. Мы с дедом часто разделялись и обходили поляны, каждый со своей стороны. Иногда я заходил глубже в лес. Продираясь сквозь плотные завесы ветвей, заглядывал под деревья и ворошил палкой траву и сухие листья. Оказалось, что грибов пока мало. Но мы решили наведаться сюда через несколько дней. Местечко было перспективным, и мы возвращались домой не с пустыми руками. Почти половину наших корзин заняли крепкие, беловато-розовые волнушки и оранжевые, с красивыми зеленоватыми кругами на шляпках, рыжики.

Когда отправились в обратный путь, я шёл за дедом Алек-

сеем по заросшей, едва заметной тропинке и размышлял. Лето кончалось, отпуск тоже, и это было печально. Каждый год я неизменно проводил отпуск у деда. Был убеждён, что нигде не отдохнуть лучше, чем на природе, в местах, с которыми с детства сроднился. Вскоре мы добрались до развилки, но дед не повернул в сторону дома, а пошёл по тропинке дальше.

– Пойдём домой другой дорогой? – уточнил я, догоняя деда Алексея.

– Да, – коротко ответил он.

Я стал прикидывать расстояния. Получалось, что новым путём идти дальше, но не более, чем километр или полтора. Зато мы увидим новые места, а половину пути пройдем по хорошей насыпной дороге. Я давно перенял у деда привычку заходить в лес с одной стороны, а возвращаться в деревню с другой. Так интереснее. Мы прошли всего несколько сотен метров и, не сговариваясь, остановились. Тропинку пересекала широкая вырубка. Недалеко снова начинался лес, и в него заходила наша тропа. А вот в длину просека была много больше. Вправо она тянулась чуть ли не до горизонта.

– Ты смотри, что опять наделали, – горестно сказал дед и всплеснул руками.

Действительно, везде торчали пни, валялись и топорщились толстые ветви. Лежали поваленные стволы деревьев. Царил полный хаос. Мне приходилось видеть подобное,

и каждый раз зрелище производило гнетущее впечатление. Однажды дед показал мне старую колхозную вырубку. Она выглядела, как большая аккуратная поляна, и напоминала газон. На ней не было не только пней, но даже кочек. Впечатление, что кто-то раскатал пушистый зелёный ковёр. Я бродил по этой поляне и поражался столь рачительному отношению к природе. Ведь это в глухом лесу, в нескольких километрах от ближайшей деревни. Тогда дед и рассказал, что раньше были только колхозные и государственные вырубки, лишь недавно появились частные. Государственные – не столь аккуратные, как колхозные. А уж про частные и говорить не приходится. Раньше дед работал главным агрономом в колхозе и хорошо разбирался в таких вещах. С тех пор, увидев небрежно порушенный лес, я всегда вспоминал колхозный вырубок и тот разговор.

Дед ещё немного постоял, осматриваясь, и мы двинулись дальше. Перебравшись через завалы деревьев, снова вошли в девственный лес, и тягостное впечатление постепенно рассеялось. Вскоре мы миновали заросшую и узкую, около метра шириной, просеку. Я знал, что неподалёку она пересекается другой, и там стоит квартальный столб с номерами квадратов. Когда я ещё учился в школе и приезжал на каникулы, дед Алексей рассказывал, что весь лес поделён на квадраты просеками. У него была карта с лесными кварталами, и я сразу скопировал её на кальку. С тех пор я всегда брал её с собой в лес. С этой картой, даже не доставая компас, бы-

ло очень удобно ориентироваться на местности. Достаточно было выйти на квартальный столб. Раньше эти просеки регулярно расчищались, но потом многие из них стали зарастать. Тогда я научился уточнять их расположение по просветам в вершинах деревьев. Далее на нашем пути лежал неширокий, но длинный, наполовину заросший лесной пруд. Иногда он совсем высыхал, но сейчас был полон воды. Дед Алексей предложить отдохнуть, и я согласился. Тоже немного устал, да и не хотелось ещё домой. Мы тут же решили разжечь костёр. Я принёс бересты и сухих веток, а дед принялся раскладывать всё это на узком мыске, который выдавался далеко в воду. Я по достоинству оценил место, которое он выбрал. Здесь практически исключалась возможность случайно вызвать лесной пожар. Дед Алексей родился и вырос в деревне и всегда очень бережно относился к природе.

Когда огонь разгорелся, я принёс несколько еловых лап для лежанки. Мы расположились удобней – поближе к костру. Я наблюдал за проплывающими облаками, за рябью, гонимой по воде ветерком, и наслаждался покоем. Вечерний лес постепенно наполнялся звоном и гомоном птичьих перекличек. Поскрипывали и стонали раскачиваемые порывами ветра деревья, а иногда далёким эхом отдавался дробный стук дятла. Порывы отгоняли комаров и надоедливо гудящих слепней, но порой застилали глаза едким дымом, приносили жар, и мне приходилось отворачиваться от костра. Вдруг я услышал звуки, напоминающие далёкие шаги,

а затем треск и натужный стон падающего дерева. Приподнявшись, я попытался рассмотреть что-нибудь в полумраке между деревьями, но ничего не увидел и снова опустился на импровизированную лежанку.

– Никого там нет, – сказал дед, доставая портсигар, – в эту пору ни зверь, ни человек сюда не пойдёт.

Дед Алексей неторопливо размял папиросу, прикурил от тлеющей головёшки и аккуратно вернул её обратно в костёр. Я смотрел на его сутулую спину, короткие седые волосы и с грустью думал, что за последние годы дед сильно постарел. Но, несмотря на возраст, он был энергичен и очень деятелен. Смуглое и словно вырубленное из старого дерева лицо хранило печать мудрости и спокойствия. Вскоре дед Алексей прервал мои размышления.

– Люди сейчас стали совсем не те, что были раньше, до войны, да и сразу после войны тоже, – задумчиво сказал он. – Не такие открытые и доверчивые, по крайней мере, в деревне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.